

(1)Я стоял у окна вагона, бесцельно глядя на бегущий мимо пейзаж, на полустанки и маленькие станции, дощатые домики с названиями черным по белому, которые не всегда успевал прочитывать, да и зачем. (2)Поля, перелески, столбы, волны проводов, стога сена, кусты, просёлки — и так час за часом. (3)Рядом, у следующего окна, стоял мальчик. (4)Он смотрел неотрывно. (5)Мать позвала его в купе, он схватил бутерброд и снова прилип к стеклу. (6)Она попробовала усадить его к окну в купе, но он не согласился. (7)Здесь, в коридоре, ему никто не мешал, он был безраздельным хозяином своей подвижной картины. (8)Я уходил, разговаривал со своими спутниками, возвращался и заставлял его в той же позе. (9)Что он там высматривал, как ему не надоело, ведь это было совершенно бессюжетное зрелище, не то что экран телевизора. (10)Теперь я смотрел не в окно, а на него. (11)Кого-то он мне напоминал. (12)Ну конечно, та же поза, те же грязноватые стёкла. (13)Они-то и помогли мне вспомнить мои детские путевые бдения. (14)С той же жадностью и я ведь простаивал часами перед теми же стёклами, заворожённый мельканием путевых картин. (15)Оттуда, не из близи, несущейся навстречу, а из далей, еле плывущих, почти недвижимых пространств, из лесной каймы на горизонте, серых туманных полей возвращались устремлённые к ним детские мечтания. (16)В тех смутных, расплывчатых картинах я был путешественником, был охотником и одновременно медведем, был журавлём, шагающим по болоту...

(17) Бесконечная смена берёзок, елей, лесных проталин, деревень, пашен — и снова лес, просеки, изгороди — всё это тогда почему-то не усыпляло, а возбуждало воображение.

(18) Я растворялся в огромности этой земли, она входила в сознание, откладывалась на всю жизнь. (19)Спустя десятилетия у окна поезда, постукивающего по рельсам Германии, а то и Китая, где каждый клочок обработан, откосы железнодорожных насыпей сплошь засеяны, в моём восприятии присутствовали впитанные детской душой просторы, эти стояния у окна.

(20)Вдруг в бесформенной зыбкости воспоминаний, глядящих из закатного окна, обозначилось что-то. (21)Это был мужик, огромный, в жёлтой рубашке, с колом в руках. (22)Смутно вспомнились станционный палисадник, несколько телег, лошади с холщовыми торбами на мордах. (23)Но всё это: и привокзальная площадь с деревянными мостками, и перрон, и станционный колокол — всё было как бы задником, а впереди, подняв кол, мужик бежал за пареньком, который, прикрыв голову руками, мчался вдоль перрона по ходу поезда. (24)Он бежал, прихрамывая, лицо его было обращено к вагонам, на какой-то миг глаза наши встретились. (25)Ужас был в его взгляде, крик о помощи, а перрон был пуст, мне показалось, что я единственный человек, единственный свидетель, которого он увидел; я наклонился к краю рамы, но в окно уже вошли огороды с чучелами, шлагбаум, и станция исчезла, как исчезали все другие станции. (26)Догонит ли его этот с колом, что будет с ним, за что он его так — ничего этого я никогда не узнаю. (27)Помню своё отчаяние, которое росло оттого, что поезд не останавливается, мчится всё дальше, а там, может, парня догнали и бьют, и никто этого не видит, не знает, и я не могу никого позвать, показать. (28)Кажется, я действительно закричал, побежал к отцу, который был в купе, никто ничего не понял из моих объяснений, и я понял, что ничего не могу им объяснить. (29)Кажется, так оно было, но с уверенностью не могу сказать, да и какое это имеет значение. (30)Значение же имели огромные глаза этого паренька, мужика того я узнал бы, а от парня остались только ужас, заполнивший всё окно, и невозможность вмешаться, помочь, закричать. (31)И опять пошли перелески, колыхания проводов, песчаные тропки в зелёной траве, голубые поля льна, серебряные — овсов, красные — гречихи, золотистые — ржи, сизые — капусты, ельники, клевера, рыжие стада — огромный мир, который заботливо старался смыть ту случайную картинку. (32)Она затерялась в памяти. (33)Но сейчас, глядя в такое же пыльное, в грязных потёках окно, я с завистью вспомнил своё мальчишеское отчаяние.

(По Д. А. Гранину)